

1941 год. Укрепрайоны в Беларуси: необходимость или ошибка?

УДК 94(476).084.8

Иван БАСЮК,
доктор исторических
наук, профессор

Иван БАСЮК. 1941 год. Укрепрайоны в Беларуси: необходимость или ошибка? Статья посвящена малоизвестной и вызывающей постоянные дискуссии проблеме – почему укрепленные районы в Беларуси в 1941 году не оправдали надежд советского руководства и не задержали противника. В статье изложены краткая история строительства на территории Белорусской ССР укрепленных районов, их задачи, вооружение, степень боеготовности к началу войны. Новизна статьи в том, что впервые в советской, российской и белорусской историографии сделана попытка на документальной основе сформулировать, на примере Беларуси, один из основных уроков, вытекающих из неудач укрепленных районов в начале войны.

Ключевые слова: укрепленный район, Красная армия, вермахт, полоса обороны, танковые клинья, прорыв фронта.

Ivan BASYUK. 1941. Fortified areas in Belarus: a necessity or a mistake? The article raises a little-known problem that causes a lot of controversy – why the fortified areas in Belarus fell short of the expectations of the Soviet leadership and failed to detain the enemy in 1941. The article gives a brief history of the construction of the fortified areas in the territory of the Byelorussian SSR, their tasks, armaments, and their combat readiness at the beginning of the war. The article represents the first attempt in Soviet, Russian and Belarusian historiography to articulate, using the example of Belarus, one of the main lessons learned from the failures of fortified areas at the beginning of the war.

Keywords: fortified area, Red Army, Wehrmacht, defense zone, tank wedges, front breakthrough.

На территории Беларуси и сегодня в лесах, на полях, вблизи дорог встречаются серые, замшелые бетонные оборонительные сооружения, называемые ДОСами или ДОТами (долговременными огневыми сооружениями или точками). Местные жители говорят: «Сталинские укрепрайоны». Скажу о своих ощущениях при их посещении – пустые темные глазницы глубоко зарытых в землю бетонных коробов вызывают в душе смутную тревогу, недоброе

предчувствие. Со временем стерлась с памяти многотрудная история их возведения, забылось, какую роль сыграли они в начале войны.

В научной, мемуарной и публицистической литературе наблюдается разницей в оценке укрепрайонов. Некоторые авторы считают их суровой необходимостью, тщетно отыскивают положительные примеры, когда они задержали хотя бы на малое время наступающие части противника. Другие исследователи негативно оценивают строительство укрепрайонов от Балтийского до Черного морей, называют их крупным стратегическим просчетом советского командования. По их мнению, укрепрайоны в том виде, как они строились в СССР, изначально не были в состоянии выполнить возложенные на них задачи, объективно не могли задержать на продолжительное время механизированные части противника.

Попробуем разобраться в причинах, по которым эти сооружения не остановили наступление противника в Беларуси в

ОБ АВТОРЕ

БАСЮК Иван Александрович.

Родился в 1942 году в д. Горевичи Новогрудского района Гродненской области. Окончил исторический факультет Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова (1972), аспирантуру Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск, 1981). Преподавал в высших военных учебных заведениях Вооруженных Сил СССР.

С 1987 года – в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Доктор исторических наук (2005), профессор (2007).

Автор более 100 научных работ, четырех монографий, шести учебных пособий.

Сфера научных интересов: начальный период Великой Отечественной войны, история белорусской государственности, история политической и правовой мысли Беларуси.

Укрепленные районы, являясь системой долговременных укреплений, обеспечивают длительное сопротивление в них специальных гарнизонов и общевойсковых соединений. Скользя противника на всем своем фронте, они создают возможность сосредоточения крупных сил и средств для нанесения врагу сокрушительных ударов в других направлениях. От войск, ведущих бои в укрепленных районах, требуется особое упорство, выносливость и выдержка.

Глава вторая «Организация войск РККА». 1. Рода войск и их боевое применение. Полевой устав РККА (ПУ-39)

1941 году, а также в уроках, вытекающих из тех трагических событий.

Укрепленные районы (УРы) Беларуси первыми приняли на себя удар врага, здесь в полной мере проявились их героические и трагические страницы, наиболее рельефно обозначились достоинства и недостатки. Они представляли собой полосу местности, оборудованную системой долговременных и полевых фортификационных сооружений в сочетании с различными инженерными заграждениями и подготовленную для длительной и упорной обороны.

Почему европейские страны и Советский Союз сооружали дорогостоящие укрепрайоны? Одна из причин – древние традиции строить замки, крепости, другая – военачальники не имели опыта массированного использования на поле боя танков и авиации, поэтому продолжали ориентироваться на опыт крупных операций Первой мировой войны,

в которых успешно были использованы укрепрайоны. Вспомним Верденскую операцию 1916 года. Верден (Франция) являлся центром укрепленного района, состоявшего из четырех оборонительных позиций глубиной 15–18 км. Германия потеряла в этой операции до 600 тыс. человек, вела бои здесь около года (с 21 февраля по 18 декабря 1916 года), однако достичь победы над французами не смогла. Более того, Верденская операция сорвала германский стратегический план вывода Франции из войны [1, с. 123].

Успешный опыт Верденской операции вызвал цепную реакцию – европейские государства начали интенсивно строить укрепрайоны. Франция в 1929–1936 годах построила Линию Мажино на границе с Германией, Люксембургом и частично с Бельгией общей протяженностью около 400 км, глубиной 6–8 км, имевшую около 5600 долговременных огневых сооружений. Германия в 1935–1939 годах вдоль своих западных границ от Нидерландов до Швейцарии построила Линию Зигфрида (Западный вал) – систему оборонительных сооружений длиной около 500 км, глубиной 35–100 км (около 16 тыс. фортификационных сооружений). Финляндия в 1927–1939 годах на Карельском перешейке, в 32 км от Ленинграда, возвела Линию Маннергейма – систему общей длиной 135 км, глубиной до 90 км, которая насчитывала более 2 тыс. долговременных огневых сооружений.

Возводились укрепрайоны и в Советском Союзе. Их строительство по западной границе СССР не было каким-то исключением, оно вкладывалось в русло европейских подходов того времени, постулатов господствующих военно-политических доктрин.

Цели и задачи советских УРов определялись проектом Полевого устава РККА 1939 года. Напомним, Полевые уставы в Красной армии являлись официальными документами, на базе которых разрабатывались боевые уставы и наставления видов вооруженных сил и родов войск. Проектом Полевого устава перед укрепленными районами ставилась задача

обеспечить длительное сопротивление специальных гарнизонов и общевойсковых соединений [2].

Строительство укрепленных районов вдоль западной границы СССР прошло в три этапа. На первом (1929–1938) по западной границе СССР было построено 13 укрепрайонов, из них три в Беларуси: Полоцкий, Минский и Мозырский. Однако эти УРы, по оценке специалистов, имели слабую сопротивляемость и малоэффективное внутреннее оборудование. На втором этапе, в 1938–1939 годах, в Советском Союзе началось строительство еще восьми укрепрайонов, двух из них – на территории Беларуси: Слуцкого и частично Себежского (основная часть Себежского укрепрайона возводилась на приграничной территории Псковской области РСФСР).

В 1939 году Западная Беларусь воссоединилась с Белорусской ССР, изменилась западная государственная граница. Укрепрайоны по старой границе (до 1939 года) оказались в глубоком тылу. Возникла проблема их использования, настолько сложная, что потребовалось вмешательство Сталина, которому руководство Наркомата обороны дважды докладывало свои предложения.

Какие решения были приняты в Кремле, мы можем судить по директиве от 8 марта 1941 года, которую Генеральный штаб направил в штаб Западного особого военного округа (ЗаОВО). Директива требовала укрепрайоны по старой границе «до особого указания» держать в «состоянии консервации» и быть готовыми привести их в состояние боеготовности на «десятый день начала войны силами полевых войск» [3, с. 237]. По оценке маршала Г.К. Жукова, в данной директиве был допущен явный просчет по времени. «Директива Генштаба требовала привести их (УРы. – И.Б.) в боевую готовность на десятый день начала войны. Однако фактически многие рубежи УРов были захвачены (противником. – И.Б.) раньше этого срока» [3, с. 237].

По линии новой границы в СССР было принято решение соорудить 20 новых УРов, из них четыре – на территории Бела-

руси: Гродненский, Осовецкий, Замбровский и Брестский. Командование ЗаОВО предложило два варианта их возведения: непосредственно по линии границы и на расстоянии от нее на 25–50 км. Второй вариант предполагал иметь предполье – полосу между границей и линией УРов, оборудованную в соответствии с инженерными требованиями, которая могла бы задержать противника и тем самым дать возможность полевым войскам округа своевременно занять свои оборонительные сооружения и организованно встретить врага. Второй вариант поддерживал и Генштаб, однако утвержден был первый – линию УРов возводить непосредственно вдоль государственной границы. Согласно ему, укрепленные районы или вовсе не имели предполья, или оно было незначительным. Так, в 68-м (Гродненском) УРе предполье перед фронтом узла обороны Головенчицы – Марковцы имело всего 1–1,5 км, на узле обороны Богатыри – Липск менее 1 км от границы [4, с. 174]. По мнению генерал-полковника Л.М. Сандалова, первый вариант был утвержден потому, что он отвечал постулату предвоенной доктрины: «Ни одного вершка своей земли не отдадим никому» [5, с. 5]. По свидетельству маршала Г.К. Жукова, план строительства УРов по новой границе в начале 1940 года был утвержден Сталиным [3, с. 236], поэтому Наркомат обороны изменить его был неправомочен.

Укрепрайоны 1940–1941 годов отличались более совершенной схемой полос обороны, конструкцией долговременных сооружений. Увеличилась их глубина. Сооружения имели улучшенные средства противохимической защиты, вентиляции, водо- и электрообеспечения. По переднему краю возводились фортификационные противотанковые, а на подступах к ДОСам – противопехотные заграждения.

Для строительства требовались значительные людские ресурсы. В июне 1940 года в штаты стрелковых полков ЗаОВО были введены саперные роты (штат – 96 человек), а в стрелковые дивизии – саперные батальоны (521 человек).

▲ ДОТ в лесах Беларуси

В окружном подчинении имелся инженерный полк (около 1 тыс. человек). Но рабочих рук не хватало, поэтому в округе было дополнительно сформировано еще 15 рот, а в мае 1941 года с других военных округов в Беларусь командированы 13 строительных и саперных батальонов, четыре автобата [4, с. 172–173]. Однако и этих сил было мало. Тогда с разрешения наркома обороны за несколько месяцев до войны на строительство укрепрайонов было направлено по одному батальону (дивизиону) от каждого полка приграничных армий. Судьба их трагическая – война застала батальоны на земляных работах, без оружия, часть батальонов погибла, часть была рассеяна по лесам, значительная часть военнослужащих попала в плен [6, с. 188–189].

К строительству укрепрайонов широко привлекалось и местное население: сперва по вольному найму, а затем – в принудительном порядке. 24 марта 1941 года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) на закрытом строительстве была введена платная трудовая и гужевая повинность, за уклонение от повинности предусматривалась уголовная ответственность [7, л. 139]. По этому постановлению Брестский областной Совет и обком партии ввели трудовую и гужевую повинность в восьми районах области, мобилизовали трудоспособное население от 18 до 55 лет – 186 565 пеших рабочих и 19 тыс.

подвод с возчиками [8, л. 1–2]. Принудительная повинность вызвала недовольство населения. В Белостокской области ходили слухи, будто «заберут всех сильных мужчин на оборонительные работы, некому будет сеять, наступит страшный голод» [9, л. 1]. Недовольство вызывали плохая организация УРовских работ, низкая оплата труда, плохие бытовые условия. Из-за высоких расценок, вынужденных простоев рабочие Щучинского военно-строительного участка № 26 в день зарабатывали от 3 до 7 рублей, а только питание в столовой участка стоило около 6 рублей в день [6, с. 104]. Труд был слабо механизирован, на ряде объектов рабочие даже камни на щебенку били вручную [10, л. 34–35]. С опозданием выплачивалась зарплата. Плохие условия труда привели к массовым побегам рабочих с оборонительных объектов. На Замбровском военно-строительном участке летом 1940 года из 736 рабочих 120 самовольно покинули объект и на работы не вернулись [11, л. 10]. Клищам, уклоняющимся от принудительных работ, применялось уголовное преследование. Прокурор Белостокской области Дубинин 12 июня 1941 года в докладной записке в обком партии отмечал, что «за злостное уклонение от повинности» по части 2-й статьи 94 Уголовного кодекса БССР в области было осуждено 19 человек [7, л. 140].

На строительстве УРов использовался и труд заключенных. При военных новостройках в Беларуси были открыты лагерные пункты. Так, на объекте № 360 был образован лагпункт, в котором на 13 мая 1941 года содержалось 1765 заключенных [7, л. 17]. На объекте № 400 на 16 мая 1941 года трудились 1135 заключенных [7, л. 35].

Несмотря на напряжение всех сил, планы сооружения укрепрайонов срывались. На 1 июня 1941 года по новой границе Белорусской ССР в состоянии строительства было 2130 ДОТов, из них боеготовыми – всего 156 [12, с. 28], то есть 7,3 % от их общего числа.

Имелись и иные недостатки. В Акте о приеме Наркомата обороны Союза ССР

Тимошенко С.К. от Ворошилова К.Е. от 7 декабря 1940 года отмечалось, что войска не имели специального наставления по обороне укрепрайонов, многие вопросы были неоправданно отданы на откуп командованию военных округов и приграничных армий, поэтому решались бессистемно [13, с. 290].

В предвоенные годы укрепрайоны планировалось защищать как полевыми войсками, так и специальными (УРовскими) частями. Они имели на вооружении до шести взводов капонирной артиллерии, до трех пулеметных батальонов, подразделения связи, саперную роту. Но людей и вооружения не доставало: в начале 1940 года УРовские части были укомплектованы лишь на 25 % от штатов военного времени [4, с. 188].

Полевым войскам, по плану прикрытия государственной границы, были определены конкретные УРовские полосы и позиции, которые они должны были в мирное время оборудовать своими силами (земляные работы), а с началом боевых действий – занять и упорно удерживать. Своевременное занятие УРовских позиций было проблемно. Для Брестского укрепрайона штабом ЗаОВО стрелковым дивизиям для выдвигания и занятия своих позиций отводилось от 9 до 30 часов. Проведенные накануне войны учения показали: многие части не уложились в отведенное время и заняли свои позиции со значительным опозданием [14, с. 43]. Если учесть, что УРовские позиции на территории Беларуси строились по линии границы, то очевиден просчет – противник имел возможность занять их значительно раньше советских полевых частей.

Автор статьи, осмысливая историю строительства УРов в Беларуси, неоднократно обсуждал эту проблему с военными специалистами. Большинство из них убеждены: не надо было вовсе строить укрепрайоны по новой границе, а лучше сосредоточить ресурсы на реконструкции Слуцкого, Полоцкого, Минского и Мозырского укрепрайонов. В этом случае от линии новой границы до линии укрепрайонов по старой границе имелось бы

предполье, преодолевая которое противник «завяз бы», а полевые войска Западного фронта получили бы возможность своевременно занять свои оборонительные позиции и организованно встретить врага. Это позволило бы сэкономить колоссальные финансовые, материальные и людские ресурсы.

Была ли выполнена в начале войны главная задача укрепрайонов – сковать силы противника по всему фронту? В Беларуси 2-я и 3-я немецкие танковые группы наступали клином, имея в полосах наступления многократное превосходство над советскими войсками, растянутыми линейно вдоль границы. Например, из района Сувалок на фронте 50 км наступали 7, 12, 20-я танковые дивизии 3-й танковой группы (более 600 танков), которым в полосе наступления противостояли лишь 128-я стрелковая дивизия и один полк 188-й стрелковой дивизии Западного фронта, и те без артиллерии, которая находилась на окружных сборах [15, с. 12–13].

Прорвав слабую советскую оборону, на шестой день войны, 28 июня 1941 года, передовые части немецких 2-й и 3-й танковых групп соединились под Минском. Войска 3, 4 и 13-й армий Западного фронта, около 11 дивизий, оказались в окружении в Новогрудском «котле», из которого лишь немногие части и группы военнослужащих сумели вырваться и соединиться с главными силами Красной армии [14, с. 106–117]. В журнале боевых действий Западного фронта отмечено, что в результате 10-дневных боев «противнику удалось вторгнуться на нашу территорию на глубину 350–400 км и достигнуть реки Березина» [16, л. 67]. На рубеж реки и южнее из 44 дивизий Западного фронта вышли всего около 10, хотя дивизиями их назвать трудно – многие из них имели в своем составе менее тысячи человек, все были крайне измотаны, без тяжелого вооружения [16, л. 67–68]. Успехи немцев командование фронтом объясняло тактикой маневрирования. В журнале боевых действий Западного фронта отмечено: «Характерной особенностью немецких ударов было

стремительное передвижение вперед, не обращая внимания на свои фланги и тылы. Танковые и моторизованные соединения двигались до полного расхода горючего» [16, л. 68]. Части вермахта продвигались по территории Беларуси действительно стремительно. «Средний темп наступления немцев за первые пять суток до 60 километров в сутки, а за весь период с 22 по 30.06.1941 г. – до 45 километров в сутки...» – записано там же. Далее в журнале сделана такая запись: «Наступление немцев было настолько стремительным, что не дало возможности организовать как следует оборону» [16, л. 67–68]. По мнению командования Западного фронта, это объяснялось тем, что враг «на направлениях главных ударов сосредоточивает почти все свои имеющиеся силы, ограничиваясь на остальных направлениях незначительными частями или даже вовсе не имея там сил, ведя лишь разведку» [16, л. 60].

В июле пал Смоленск, в начале декабря 1941 года немцы подошли к Москве. Западный фронт в Беларуси понес колоссальные потери. За период Белорусской стратегической оборонительной операции с 22 июня по 9 июля 1941 года людские потери составили 417 729 человек – 66,8 % всего личного состава Западного фронта [17, с. 163].

Так почему УРы в Беларуси не выполнили своей задачи и в 1941 году не задержали наступление противника? По старой границе они были разукрупнены, строительство по новой границе не завершилось, полевые войска Западного фронта в ряде мест прибыли к указанным точкам с явным опозданием – некоторые позиции были уже заняты врагом.

Но была и еще одна причина провала обороны УРов, которая до сих пор крайне слабо отражена в военно-исторической литературе, – устаревшая линейная тактика. В предвоенные годы, с появлением танков и авиации, на смену ей пришла тактика маневрирования, принесшая Германии в Европе невиданные победы. В 1939–1940 годах на завоевание Дании вермахту потребовался всего 1 день, Гол-

ландии – 5, Бельгии – 19, Польши – 35, Франции – 44, Норвегии – 63 дня. Как этот опыт немцев оценили в Москве? Нарком обороны СССР С.К. Тимошенко на совещании высшего руководства РККА в декабре 1940 года заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе не дает нам ничего нового» [18, с. 45]. Как видно из этого выступления, советские военачальники не поняли или не желали понять значение новых форм вооруженной борьбы, на деле остались приверженцами устаревшей, непригодной в условиях «войны моторов» линейной тактики.

По-иному отнеслась к тактике маневрирования советская военная наука, о чем свидетельствует проект Полевого устава РККА 1939 года. В нем указывалось, что победа должна достигаться решительным превосходством над врагом на главном направлении, взаимодействием родов войск для «глубокого вторжения в глубину боевого порядка противника... быстрого обнажения флангов противника и их внезапного обхода с целью атаки в тыл» [2, ст. 13]. Однако эти правильные установки в СССР остались лишь на бумаге, они не были воплощены в жизнь войск.

Проект Полевого устава требовал от штабов всех уровней анализировать сведения о противнике, его тактику и замыслы, учитывать их в своих оперативных планах [2, ст. 16, 18, 45]. На практике все обстояло иначе. В декабре 1940 года Гитлер подписал директиву № 21 – план «Барбаросса», в которой была поставлена стратегическая задача: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании...» [19, с. 886]. Директива содержала требование: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвигания танковых клиньев» [19, с. 886].

Реакция советского руководства на новую немецкую тактику видна на примере ЗапОВО. 14 марта 1941 года в округ была направлена директива наркома обороны

Силы и средства	Противник	ЗапОВО	Соотношение
Дивизии	40	44	1:1,1
Личный состав (тыс. человек)	820	671,9	1,2:1
Орудия и минометы (без 50-мм минометов)	10 763	10 087	1,06:1
Танки	810	2201	1:2,7
Самолеты (исправные)	1677	1685	1:1

и Генштаба № 503859 (сс)ов (совершенно секретно, особой важности. – И.Б.) о прикрытии государственной границы. Директива являлась основным руководящим документом, определяющим задачи и способы боевых действий войск округа в начальный период войны. Ею определялось, что в случае вражеского нападения войска округа переходили к обороне, в основе которой – стойкое удержание укрепрайонов по всей линии границы [20]. Такая оперативная установка явно противоречила духу и букве проекта Полевого устава, который требовал создать на возможных главных направлениях наступления противника адекватные советские группировки, оставив на второстепенных участках лишь незначительные силы. А ведь советское командование располагало достоверными сведениями, что в районе Бреста и Сувалок сосредоточена армада группы армий «Центр» – 50 немецких дивизий, 820 тыс. человек личного состава, более 10 тыс. стволов артиллерии и минометов, более 800 танков [6, с. 160]. Как ни странно, но в директиве даже не упоминались эти приграничные немецкие группировки. Наркомат обороны и Генштаб ставили перед войсками Западного фронта заведомо невыполнимую задачу – удержание всей линии границы. Сегодня понятен смысл сказанного в заключительном слове на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 22 июля 1941 года бывшим командующим Западным фронтом генералом Д.Г. Павловым: «Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недо-

статочно готовились в мирное время к этой войне» [21, с. 391].

Как же советские руководители впоследствии оценивали допущенный явный стратегический просчет: в начальном периоде войны опираться на линейную тактику и ее основу – укрепрайоны?

Маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях обошел стороной все предвоенные ошибки, уверяя, что тогда «мы шли верным путем». «...Я не могу назвать какое-либо большое, принципиальное направление в строительстве наших вооруженных сил, которое стоило бы перечеркнуть, выбросить за борт, отменить» [3, с. 255]. Мы специально цитируем слова маршала по последнему прижизненному изданию его «Воспоминаний и размышлений», которые, по существующим правилам, были автором собственноручно подписаны к печати. Если верить мемуарам, маршал Г.К. Жуков ушел из жизни, так и не поняв (или не пожелав признать) причин той страшной катастрофы, постигшей войска Западного фронта летом 1941 года. Если, по оценке Г.К. Жукова, в предвоенном военном строительстве «мы шли верным путем», то почему в начале войны пришли к военной катастрофе?

Совершенно по-иному, уже в годы войны, оценил линейную тактику И.В. Сталин. 23 февраля 1943 года как Верховный главнокомандующий он издал приказ № 95, в котором подвел итоги «20 месяцев боевых действий» на советско-германском фронте и определил очередные задачи РККА. Самым важным достижением командиров и штабов, отмечалось в приказе, является то, что «они

◀ Таблица 1.
Соотношение сил и средств в полосе ЗапОВО на 22 июня 1941 года

Источник: Семидетко, В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) / В.А. Семидетко // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 4. – С. 30.

научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, *отрешившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву тактики маневрирования»* (курсив мой. – И.Б.) [22, с. 83].

Действительно, линейная тактика и ее основа – приграничные укрепрайоны причинили Беларуси колоссальный ущерб, если иметь в виду, что войска Западного фронта в начале войны располагали достаточными силами для защиты (табл. 1). Данные таблицы свидетельствуют, что силы воюющих на территории республики сторон были примерно равными, хотя имелись и дисбалансы. Немцы в личном составе превосходили советские войска в 1,2 раза, зато советские войска в танках, основной ударной силе того времени, превосходили немцев в 2,7 раза. Если исходить из общепризнанной нормы, что наступающие войска должны иметь перевес в силах и средствах не менее чем в 1,5–2 раза, то такого перевеса вермахт в Беларуси не имел.

Таким образом, относительное равенство сил, значительное количественное преобладание советских танков (на 1391 боевую машину) дают основание утверждать, что Западный фронт имел достаточно сил и средств для того, чтобы задержать противника, надежно прикрыть стратегическое направление на Смоленск и Москву.

Основной урок образования укрепрайонов в том, что военная теория (проект Полевого устава) и практика (укрепрайоны) в предвоенном советском военном строительстве разошлись.

В последующем, в невероятно трудных условиях, советское руководство сумело перейти от линейной тактики к тактике маневрирования, возвратиться к практическому осуществлению требований проекта Полевого устава 1939 года. Это позволило ценой невероятных усилий и жертв переломить ситуацию на фронтах, овладеть стратегической инициативой и победоносно завершить Великую Отечественную войну. ▀

Статья поступила
в редакцию 03.01.2019 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Военный энциклопедический словарь / Ин-т воен. истории; Гл. ред. комиссии: Н.В. Огарков (пред.) [и др.] – М.: Воениздат, 1983. – 863 с.
2. Проект Полевого устава РККА (ПУ-39) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rkka.ru/docs/real/пу39/main.htm>. – Дата доступа: 01.02.2014.
3. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления: в 2 т. / Г.К. Жуков. – 2-е изд., доп. – М.: АПН, 1974. – Т. 1. – 430 с.
4. Пивоварчик, С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941): монография / С.А. Пивоварчик. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 252 с.
5. Сандалов, Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны / Л.М. Сандалов // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 10. – С. 3–13.
6. Басюк, І.А. Заходні фронт у пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны: манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна: ГрДУ, 2013. – 325 с.
7. Государственный архив общественных объединений Гродненской области Республики Беларусь (далее – ГАООГО РБ). – Ф. 6195. Оп. 1. Д. 191.
8. ГАООГО РБ. – Ф. 4. Оп. 37. Д. 53.
9. ГАООГО РБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 215.
10. ГАООГО РБ. – Ф. 18. Оп. 48. Д. 12.
11. ГАООГО РБ. – Ф. 6195. Оп. 1. Д. 92.
12. Семидетко, В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) / В.А. Семидетко // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 4. – С. 22–32.
13. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов: в 8 т. – Т. 1: Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 – декабрь 1940 г.). – М.: А/О «Книга и бизнес», 1995. – 451 с.
14. Басюк, І.А. Навагрудскі «кацёл»: манаграфія / І.А. Басюк. – Гродна: ГрДУ, 1998. – 176 с.
15. Гот, Г. Танковые операции / Г. Гот. – М.: Воениздат, 1961.
16. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 208. Оп. 2511. Д. 207.
17. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 415 с.
18. Кульков, Е.Н. Война 1941–1945 гг. Факты и документы / Е.Н. Кульков, М.Ю. Мяков, О.А. Ржешевский. – М.: Олма-пресс, 2004. – 512 с.
19. Директива № 21. План «Барбаросса». Приложение // Гальдер, Ф. Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942) / Ф. Гальдер; пер. с нем. И. Глаголева. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
20. Командующему войсками Западного Особого военного округа: Директива народного комиссара обороны СССР № 503859 (сс) от [14] мая 1941 г. // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 3. – С. 5–7.
21. Протокол закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Павлова Д.Г., Климовских В.Е., Григорьева А.Т. и Коробкова А.А. 22 июля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов: в 8 т. – Т. 2: Начало. Кн. 1 (22 июня – 31 августа 1941 г.). – М.: Изд-во «Русь», 2000. – 724 с.
22. Сталин, И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И.В. Сталин. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.